

СМЕНА

14

1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Николай ФЛЕРОВ

Баллада О ШТОРМОВОМ ПОХОДЕ

Рисунки П. Пинкисевича

Всю ночь бесился океан,
Звенел и скрежетал,
Девятым валом на таран
Беря граниты скал.

Дрожал в сверкании светил
Испуганный ратьер¹,
И командира разбудил
Дежурный офицер:

— Приказ комбрига: «Курсом «норда»
Волной разбит буксир.
Людей спасти и взять на борт».
— Добро! Весёлый поход—
Отвечал командир.

Кипела, пенилась вода,
Как сталь в огне ледяй.
Пусть никому и никогда
Не знать таких ночей.

Но в эту ночь за пять минут
Мы покидали порт.
Мы знали: люди очень ждут
На этом курсе «норда».

А завтра праздник и парад,
И, стало быть, с утра
Над рейдом яркие флагов ряд
Поднимут леера.

¹ Фонарь световой сигнализации.

Но рейд остался позади,
И с четырёх сторон
Взвёрванный океан гудит,
Борьбою ольняён.

И за волною бьёт волна,
Корабль зевает в тиски,
И не волна, а льда стена
Встаёт, страшна и холодна,
И рушится в куски.

А там, где нет клочка земли,
Куда ты ни взгляни,
Мы обнаружили вдали
Летающие огни;

Они взмывали в звёздный мир
И вновь касались дна:
То мчался раненый буксир,
Куда влекла волна.

Кто человека в море спас,
Тому дано пожать
Сердца людей, в свой смертный час
Начавших жить опять.

Мне не забыть, как ледяным,
Звенящим стал бушлат,
Когда товарищам своим
Бросали мы канат.

И люди в свистке грозовой
Наперекор волнам,

Над этой бездной штормовой
Переполазали к нам.

Когда же наконец настал
Для них счастливый час,
Опять взмырал девятый вал,
Буксир унёс от нас.

И непогашенные там
Плясали вновь огни;
Взлетали, падали к волнам
И мчались вверх они.

Крепчала буря. Был стократ
Обратный путь трудней,
Мы опоздали на парад,
Не приняли гостей.

Но праздничным, весёлым днём
Нас встретила горд вёсёл;
Вмиг о походе штормовом
Всех облетела весть.

И, как израненный боец,
Что лобзали, не сдал,
Одетый в ледяной венец,
Корабль к причалу стал.

В тот день на рейде, говорят,
За много-много лет
Был самый праздничный наряд
На нашем корабле.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль. № 14. 1950 год.

Год
издания
27-й

Северный флот. Экипаж корабля подписывает Стокгольмское Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия.

Фото Н. В. Янчука.

НА СТРАЖЕ МИРА

День Военно-Морского Флота советские люди отмечают в этом году в обстановке возросшей угрозы миру. Как показали последние события в Корее, американско-английские империалисты переходят от угрозы к прямому империалистическому разбою.

Личный состав кораблей Военно-Морского Флота, как и вся Советская Армия, как и весь советский народ, единодушно подписал Боевая Столбовской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Советские моряки не хотят войны. Но они не бояться её. В любую минуту, если это потребуется, они будут готовы дать отпор агрессору, встать на защиту своей Родины — оплота мира во всём мире.

Военно-Морской Флот советской державы — детище нашей великой партии Ленина — Сталина. Военные моряки, верные революционным традициям матросов «Потёмкина», с первых дней революции стали на сторону большевистской партии. Храбро дрались матросы на всех фронтах гражданской войны.

Молодое советское государство имело огромную морскую границу, протяжением в 47 тысяч километров. Её надо было защищать. Между тем после гражданской войны и интервенции Советская республика, по существу, флота не имела. Пертия, всегда уделявшая огромное внимание укреплению обороны советского государства, в 1921 году на X съезде приняла решение: Флоты built. Решения съезда намечали обширную программу мероприятий по восстановлению флота, подготовке командных кадров, обучению личного состава.

Включился в работу по восстановлению флота и комсомол. Уже в начале 1922 года комсомол послал на флот две тысячи своих лучших сынов, а в октябре того же года принял шефство над флотом. В письме ко всем членам Союза молодёжи Центральный Комитет комсомола писал:

«Красный флот всегда был самым надёжным оплотом пролетарской революции, самым твёрдым часовым, охраняющим водные границы Родины».

Ленинский комсомол провёл три добровольных призыва комсомольцев, послав 7766 человек на флот и около тысячи человек — в военно-морские учебные заведения. Ленинский комсомол дал флоту молодых, горящих желанием работать и учиться пополнение.

Засучив рукава, принялись комсомольцы за работу. Ржавые пушки кораблей, с поломанными механизмами, с размонтированным вооружением, с тоннами грязи в трюмах, требовали огромных усилий для восстановления. Сутками не вылезали молодые моряки из трюмов, машин, котельных. Пришлось разбирать, сажать, ремонтировать и снова собирать все сломанные механизмы кораблей. Это очень трудно. Но комсомольцы не унывали.

«Вперёд же по солнечным реям...» — разливалась по улицам Кронштадта и Севастополя задорная матросская песня. Это шли комсомольцы на званья, на работу.

В результате упорного труда советского народа один за другим вступали в строй корабли.

В годы сталинских пятилеток флот рос особенно быстрыми темпами. В строй вступали новые корабли, вооружённые самой совершен-

ной техникой. За девять сталинских пятилеток были построены сотни боевых кораблей. Творил Сталин лично посещая флоты, рассматривая проекты новых кораблей. По его инициативе были созданы флоты Тихоокеанский и Северный. Он принимал у себя моряков, конструкторов, судостроителей, командующих флотами, интересовавшихся мельчайшими деталями строительства флота.

В 1938 году партия и правительство приняли решение строить мощнейшей морской и океанский флот. В том же году судостроительная промышленность, выросшая за годы сталинских пятилеток, дала флоту надводных кораблей по водоизмещению намного больше, чем в любой другой год второй пятилетки.

Вероломное нападение гитлеровских захватчиков на Советский Союз совпало с величайшим испытанием для нашей Родины. Флот вместе с армией грудью встал на защиту Родины. В этой борьбе с врагами военные моряки были в первых рядах. Флот до конца выполнял свой долг.

Есть страна с волевым следом за обороной городов-героев — Одессы, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда. В защите этих городов принимали участие моряки. В бою на Маломозов кургане моряки Красносельский, Одинцов, Паршин, Цибяко и Фильченко, обвалявшись гранатами, бросились под вражеские танки. Своими телами они прикрыли дорогу к родному Севастополю. Моряки погибли, но не оставили своих постов.

На всех морях моряки дрались с величайшим упорством. Своими подвигами, говорил товарищ Сталин, они вписали новые страницы в книгу русской морской славы.

В то время как моряки мужественно сражались на фронте, комсомольцы в тылу не забывали о своих подшефных. По инициативе комсомола в стране проводился сбор средств на постройку боевых кораблей. За время войны на средства трудящихся построено много боевых единиц. Многие из них построены на средства комсомольцев. «Ленинский комсомол», «Новосибирский комсомолец», «Юный тамбовец», «Пензенский комсомолец», «Московский ремесленник и другие названия говорят о том, кто инициатор строительства этих кораблей и на чьи средства они построены.

Подвигами лодки челябинских комсомольцев потопил за короткий срок 4 вражеских судна. Катер «Московский ремесленник» только за несколько месяцев выполнил более пятидесяти боевых заданий. Подводная лодка ярославских комсомольцев за несколько походов потопила 3 вражеских транспорта и 2 повёрдила.

За героизм в боях с врагами 513 моряков удостоены звания Героя Советского Союза. Из них 300 человек являются воспитанниками комсомола.

В послевоенный период флот поставлена задача оберегать морские границы, готовить кадры моряков, ещё выше поднимать дисциплину, бороться за морскую культуру и организованность. Товарищ Сталин писал в 1945 году: «Советский народ хочет видеть свой флот ещё более сильным и могучим».

Военные моряки с величайшим упорством выполняют эти задачи; настойчиво изучают новую технику, которую даёт им страна, осваивают опыт Отечественной войны, совершенствуют тактические приёмы.

«Комсомольцы флота с большевистской настойчивостью борются за дальнейшее повышение боевой и политической подготовки. Они первыми помощники командования и партийных организаций в воспитании личного состава в духе неколебимой верности своему воинскому долгу. Флотские комсомольские организации борются за то, чтобы каждый моряк-комсомолец служил примером для других воинов флота».

Партия и правительство уделяют флоту величайшее внимание. Три года назад товарищ Сталин посетил крейсер «Молоток», знакомясь с жизнью, бытом и боевой учёбой военных моряков. В феврале этого года по инициативе товарища Сталина создано Военно-Морское министерство. Это является новым проявлением заботы партии и правительства о флоте. Военные моряки отвечают на эту заботу повышенным качеством боевой и политической подготовки, укреплением дисциплины и организованности в своих рядах, ещё большим повышением бдительности на морских рубежах социалистической Родины. Моряки знают: укрепление боевого могущества своей Родины, они тем самым укрепляют дело мира во всём мире.

Учебный поход закончен. В свободное от боевой учёбы время собрались комсомольцы. Лейтенант С. Губин вручает комсомольский билет тросу С. Зуева и поощряет его со вступлением в ряды ВЛКСМ и с отличными успехами в службе и учёбе.

Фото А. Лубенко

«ЛЕБЕДОК»

Рассказ

Прочитав приказ по флоту о распределении старшин и мотористов на катере, Григорий Перевезев ещё себя глумливо обижалым. Его назначили на «Лебедок», который считался самым плохим во всём рыбаводском флоте.

Первостатейным речником Гришка себя не считал, но и в последних не числал. И решил, что по отношению к нему поступил несправедливо. Реку и ходовые проходы дельты Лены он знал неплохо, поэтому он ещё себя вправе требовать, чтобы его перевели на другой катер. Сбив на затылок засаленную кепку, Перевезев решительно направился к контролю рыбзавода. Неужели его нельзя было назначить хотя бы на «Сокола»? Катер он, правда, неважный, и корпус старый и мотор капризный, но всё же лучше, чем «Лебедок».

— В кабинете начальника флота Верхотурова было полно народу. То и дело куда входили старшины, мотористы, матросы. В полуоткрытую дверь доносились обрывки разговора: «Лени на один позоторю», — рёвля Гришка. — При людях неудобно». Усевшись на завалинке, он стал терпеливо ждать. Но ждал он напрасно. Народу в кабинете начальника не убавляло. Одни уходили, другие приходили.

— Не изменит приказа, — уныло думал Гришка, — у него слово, что камень. Тем более приказ уже издан! И говорить не стоит!

Перевезев встал и неторопливо походкой направился к устью разбушевавшейся весенним половодьем речушки, где спрятался от ледохода флот. По узкому полутору прошёл на борт и спустился в тесную кубрику.

Ну, «Лебедок», — мрачно произнёс он, — встречай хозяина! — стилис с голому кепку, он прочтётка её в воздухе замкнутый круг и повесил на гвоздь.

— Ато нам с тобой вместе бродить придётся. Ты, смотри, не подводи меня. Имей совесть. Хотя ты дерзавшка, — он стукнул согнутым пальцем по шпангоуту, — разве ты поймёшь, что мне сейчас плакать охота!

Постояв несколько минут в кубрике, Перевезев пошёл в машинное отделение.

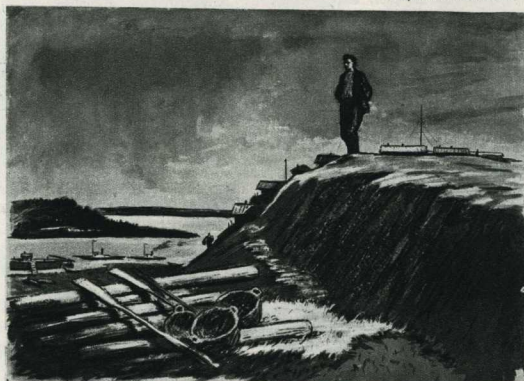
— Ничего! — бормотал он, разбирая мотор и тщательно перетрясая части. По этому замкнутому для Гришки алакан тайную менту поспеть хотя бы вторым помощником моториста на мореходный катер «Стрела», который прибыл на рыбзавод в прошлом году перед самым реконовством. Это был катер последней конструкции. Узкий, как щука, с острым форштевнем, он развивал невиданную здесь скорость. Шутка ли — в моторе 135 лошадиных сил! В просторном, светлом кубрике для каждого часа команды была отдельная койка, гардеробы для одежды, тумбочки и десятки прочих мелких удобств.

Затянувшись, когда новый катер, занятый опиями, вспарывав воду, стремительно несся по реке!

Все без исключения речники рыбзавода были выкобаны в новый катер и мечтали работать только на нём.

Знаком Гришка настолько выходил на берег и любовался катером. Даже в снежном уборе, со снятыми, перевитыми ожереями ина, немой и неподвижный, он был красив.

Но сравнить со «Стрелой» «Лебедок» казался уродом. Деревянный корпус, пу-

затык с боков, был расцвечен многочисленными заплатками. Мотор малоомощный. Чтобы завести его, нужно было не менее полчаса нагревать запальный шар. Работал мотор на нефти, и всё вокруг было жирного, глянцевито-чёрного цвета.

«Лебедок» в этом году подлежал списанию, но из-за нехватки катеров его оставили ещё на одну навигацию.

Поздно вечером Гришка усмался на траве тяжёлые шаги.

«Начальник!» — безошибочно определил он.

— Здравствуй, Григорий! Верхотуров боком протянулся в узкую дверь.

— Здравствуйте, товарищ Верхотуров! — ответил Гришка, умышленно не называя его по имени и отчеству.

— Обижен на меня? — спросил начальник флота, присаживаясь рядом со старшиной.

— Кому охота на этой развалине работать? Видать, лучшего места не нашлось для меня! — Гришка обиженно заморгал глазами. — И работа я, кажется, всегда не за страх, а за совесть!

Верхотуров положил на плечо старшину свою большую ладонь.

— Ты комсомолец, поэтому мы назначили тебе сюда. Знаю, катер этот неважный, но он должен ходить. Понимаешь, он должен работать. Помни: это — боевое задание от партийной и комсомольской организации. Справилсь, не подведёт!

Гришка не сдержался и распустил губы в широкую улыбку:

— Ну, что ж, Иван Кузьмич! Раз приказ, придётся справиться!

* * *

Вечером по дороге домой Григорий встретил чем-то озадаченного, размяштого шагающего Виктора Баланова, моториста со «Стрелой». Он был в грязном комбинезоне, небритый, взлохмаченный.

— Как дела? — остановил его Перевезев.

Вместо ответа Баланов тяжело, прерывисто вздохнул, провёл тыльной стороной руки по лбу:

— Делать, что-то капризничать начал. Вторые сутки вокруг. И механик как начал ухал!

— Эх ты, маутиник! — Гришка сплывала в сторону; в это привычное движение губ старшина вложил столько презрения, что Виктор оторопело заморгал глазами.

— Какую машину загубил, — продолжал Гришка, — тебе не на «Стреле» ходить, «Лебедка» даже доверить нельзя! Выбрали моториста, лучше не нашлось...

— Чем скандисты читают, ты бы лучше помог мне. И так проходу нет!

— Тебе помочь? — отступила Гришка на шаг. — Смеёшься? А кто хвалится, что вытаскивает катер без единой поломки прохидит? Наш катер — наш катер! — лезнательно перепаранил он. — Вот тебе и наш катер!

Валенов был нем, как рыба, и тоскливо смотрел куда-то поверху Гришки.

— Не до смеха мне! — только и нашёлся сказать он. — Время, сам понимаешь, какое, а катер стоит. Кузьмич ходит и за голыми руками хватается. В контртуру не покаявайся!

Гришка стал жать Баланова. Вид у него был какой-то изжыванный, под глазами мешки, веки красные от бессонницы.

— Ладно уж, — смягчился он, — почему не помочь — почему!

Вдобавок они отправлялись на «Стрелу». Поздно вечером контрорка рассылшая после тщетных попыток найти Перевезев в посёлок пожелала на своё профессиональное чутьё и на лодке добралась до «Стрелы». Заглянув в открытый люк и догадавшись по разбрызганной кочке рижневатых волос с бабьими мёсла, что один из этих чумных людей и есть старшина «Лебедка», она сообщила, что его вызывают в контртуру...

* * *

Коротко поярное лето! Давно ли, кажется, была весна, а уже наступила осень. Солнце начало прятаться за горизонт, но, словно не желая расставаться с землей, по вечерам тигнулось своими огненно-красными шуршальцами в синеву неба, как будто искало там, за что бы зацепиться. Не найдя опоры, с каждым днём сползало всё ниже и ниже. Всё чаще моросил мелкий дождик, порой перемежкою со снегом.

...Гришка, стоя за штурвалом, самозабвенно пел. Надо сказать, что в мотиках моторист не разбирался: все песни звучали у него на один лад. Зная это, он пел только тогда, когда был один. Никто не слышит, а работа мотора сама подкавыкает такт. Под его ритм подводит любая напев.

Пропел все песни, какие знал, он умолк. — Дал — подумал старшина вслух. — Ско-ро и на покой, «Лебедушка». Ты молодец!

Не подвѣя меня. По флоту второе место наше, «Стрела» только вперед, а за ней разве угонщики?

В шлюпки тренькают друг о друга миски. Мотористу кажется, что они ведут между собой ворчливый разговор.

На горизонт взгромодились туча и начал быстро обнимать небосклон. Потонуло произрастающая сырость.

«Шторм будет», — определила Перерезев, наблюдая, как ветер размахивает реческом пробрала по воде. За ним торопливо зашлепали пеструшки-воины. — Не беда! Тут протоки узкие, волны разгужаются негде!

К утру, когда рассвет отодвинула облака повыше, показалась промисля «Пески». В тяжёлом свинцовом небе врезалась чёрная ниточка — радиомачта. В предвкушении отряда Гришка сладко потянулся.

У причала старшина разглядывал неподвижную кучу людей. Неугомонный ветер развевал полу одежды. Казалось, что стоящие, подобно сте молодого жуж, стараются взлететь.

— Никак меня встречают? — выслушал Перерезев из штурвалаки.

Едва Гришка ступил на берег, райисч мачта потонула ему радиомачту. Отвернувшись от ветра, чтобы бумажку не разло из рук, старшина промчал: «Всем катерам. Приказываю немедленно идти на помощь промысла «Морской». В первую очередь вывезти жителей на ближайший незатопляемый остров. В остальном старшина беспрекословно выполняет указания Оролава, «Абебедж» должен находиться на «Песках» в резерве». Телеграмма была подписана директором рыбозавода.

— Хотя один катер промчал туда? — спросил Гришка отрывисто, полостью не сознавая, что там произошло.

— Нет.

Кто-то из стоявших пояснил:

— Зваливает «Морской». Никакого такого прилива не было. Дома, которые у берега, уже в воде... больше ничего неизвестно, рация молчит! Шторм не утихнет, всё зальёт!

— Горчее есть у вас? — обернулся Перерезев к заведующему промыслом.

Григорий понимал, что катерам, работающим на дальних промыслах, не придти так быстро на помощь «Морскому», как это может сделать «Абебедж».

— Не ты ли туда обрвался?

— Я!

— Ты рехнулся?

Кому придёт сумасбродная мысль посылать «Абебедж» в бунующий залив?

— Ты не волнуйся. Это приказ не для тебя!

— А что «Абебедж» — не катер?.. Грузи бытёреть горячее...

...Мяс, отделившийся протоку от залива, остался позади. Первый же гирнастый вал в пенностях зашуршал, как плеску, шпильку катерок. Корпус заскрежетал так жалобно, что Гришке показалось, что он вот-вот развалится. Екнуло сердце, но он лишь пошире расставил ноги. Глаза, не мигая, устремлялись вперед.

Свистит и мечется ветер. Как перепуганное стадо животных, один за другим мчатся большие клубящиеся валы. Волыная пыль хорохорит в воздухе. Временами в проломах туч проглядывает солнце, тогда вокруг паншут короткие цветастые радуги.

Гришка, вслеп от духоты и чада, часто открывал окно и высовывал наружу разгорячённую голову. Капли холодной забортной воды приятно охлаждали лицо. Он широко раскрывал рот и ловил солоноватые брызги языком. Хотелось пить. Но не успевал он осмотреться, как козырь, загнувшись вперед гребёшь с угрожающим шипением обрушивался на катер. Старшина проворно закрывала окно. Вымо положе, будто снаружи по корпусу гауху и часто били кузнечными кувадаки.

Рыболовеший участок «Морской» открылся неожиданно. Когда катерок с жалобным криканием взгромодилась на волну, вперед как игрушечные мяльнички домики. Вокруг них в пенностях вихорчатых бсновалась вода. Цвет воды был другой, иссиня-чёрный. Она нахлынула с моря.

Гришка положила руку влево и облегчённо распрямил спину. Только сейчас он заметил, что рубашка на нём мокрая, волосом влажными прядками обметали лоб. Из пальцев сочилась кровь.

За крутобоким ледником, в затишь, он разглядел нагруженный плашкоуту. На палубе пестрой настих сбрызнула узлы, чомоданы, ящики. Мелькала испуганные лица женщин. Из трюма доносились обрывки надрынного детского плача.

Увидев ныряющих в волнах ухабах катерок, с баржи принахлел яростно млате паклятки. Через минуту «Абебедж» пришвартовался к плашкоуту. Не успев Гришка вылезти наружу, на катер разом прыгнуло несколько человек. Заведующий промыслом Оролов, с головы до ног испачканный грязью, не дал Перерезеву вымолвить слова.

— Буксирю баржу! — заорал он на ухо, словно старшина была гаухой. — Тут бабы да ребяткиши... На Крестовскую стрелку веди!

Махнув рукой, он соскочил с катера и по пояс в воде побежал к складу. За ним, не обращая больше внимания на Гришку, гуском потонулись рабаки.

Из-за сильного ветра оставшаяся осталась котора, но и около неё уже поднимались, всплывая, мусор. Выхугагтер Пышков бегом вытаскивала пакки с делами и бережно укладывала их в сетки, потом, добравшись до лодки, как шестом, потагала лодку к «Абебеджу».

Баржевый шкипер привычным движением задела буксир. Гришка видел его взволнованное, поблеленное лицо.

— Первый я же прошил багалопоучно. Разгрузь плашку от гаухой бухточке. Перерезев повла свой караван обратно к промыслау.

Шторм не утихал. Прилив продолжался. В раскрытые окна которы рвались мелкие волны.

Велогрумы чайники палили бумажки. В переломки покачивались деревянные кровати с бьющейся на ветру розовой занавеской.

Рыбаки мчала возмизли у ледника, выгуживая заплыва простраствозапа к лодку первой и второй дельце, чтобы спасти выловленную рыбу. Недалеко стояли кунтагсы, груженные неводами.

Оролов, ломая о коробку отсыревшие доски, вынул быль докурить на корму, но, что-то вспоминая, бросил напиреку, заторил Гришку к складу.

— Добре! — сказал он, когда Перерезев в нескольких словах поведал ему, где выскелены рыбачки, но тут же закричал: — Где же черт возьми, катер!

Приткнув баржу к распашкутам дверям склада, по халимкам, настих бромешным доскам начал таскать мешки с мукой, крупой, бочки, топки с мануфактурой. В противоложную стену домачел ледник, трещали переборки. Люди спешили.

Пользуясь передышкой, Гришка зашел в машинное отделение, осмотрел мотор, веревку вычерпал воду.

Ильи повелел Народ здесь нужен, — предупредил Оролов. — Зажидывайся, надо ещё снасти вывезти... нагуживайся к самому лицу Перерезева, неожиданно далеко добывай! — На тебя надежда, Гришка!

Спускались мутные сумерки. Закат окрасил разбушевавшиеся заливы в нехоршую багровую с чёрными полосами расцветку.

Капит, которым забуксирована баржа, до бескомольно повиснет, то чинителся, как струна. Звук его нения под ветром, басовитый сначала, постепенно замирает на высоких нотах. Следом по корпусу разносятся резкий толчок. Смишен до отупления нудный индив расстелжел матица.

Старшина ежесекундно оглядывается: не лопнула бы трос. Тогда беда. Катерок развернёт бортом к волне и в момент может опрокинуть.

Волной ветрето по и дело выбегает на нос проверить кинетсы. Он видит, как «Абебедж» то вздыбится, каракаясь на гребень, то нырнёт. Тогда мялччт крыша надстройк. Разрываемый ветром в каютах, дым ошалео проносится мимо. Неприятная мысль колочит сердце: что если катер не выплывет? Но накатывается следующий вал, и «Абебедж», кромеа волни, окутанный пеной, взлетает вверх.

Показался остров. На нём уже бедел разбитыица пологинца лаваток. Пешными прядками мотались по ветру дымки костров. Отсюда, из волн, это выгладело уютно, по-домашнему.

В этот момент далеко в заливе он увидел «Стрелу». Морской на самом полном неселся к «Морскому». Волны то прятали его по самую рубку, то обнажали красный обвод ватерлинии. Катер шёл, переваливаясь с боку на бок, словно ему ничем бы не были трудны волны. Утром стало легко. Он засмеялся кулактающим, прерывистым смехом.

— Теперь и без меня обдуёт! — громко сказал он и облегчённо вздохнул.

Город Якутск.

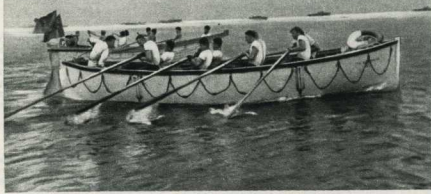

Мурсанты Военно-морского училища имени Фрунзе В. Рыбин и А. Мудров на практических занятиях.

Фото А. Гостева

БУДУЩЕ МОРЯКИ

Фото А. Возовника

Соревнование гребных команд Досфлота Одесского торгового порта. Финишную славотельный бот парохода «Генерал Черняковский».

Только начинает светать. Лёгкий накат шуршит в прибрежной гальке. Море дышит ещё прохладой ночи, а первые чайки уже покидают свой приют в скалах Отрады.

Ранний час, но Павел Антонович Буйко уже не спит. Он стоит на пристани водной станции Досфлота и в сильной дымке разглядывает снауты проходящих мимо судов. Один из них возвращается с тихих, чужих берегов в родную Одессу, другие уходят за Босфор, в океаны. Глядит вдаль бывалый боцман и узнаёт по трубам, по расположению мачт, по обводам кормы и носу имена кораблей. Он вспоминает свои походы в дальние плавания — вспоминая, но не чувствуя Павла Антоновича не расстается с любимым морем, с родным флотом. Правда, он теперь не на палубе океанского судна, не ходит в заморские страны, но работы у него, пожалуй, не меньше, чем на любом корабле.

В его хозяйстве больше десятка мелких судов — шлюпок, шверботов, гребных и моторных катеров — учебных судов Досфлота. Вся флотилия, выстроившаяся сейчас вблизи берега, в любой момент готова выйти в море: отремонтирована, покрашена и оснащена. Всё это сделано руками будущих моряков. Спустился полдень туман над морем, рассеивается. Солнце поднимается всё выше и выше. На сигнальной мачте станции вывешивает флаг. В порту начинается рабочий день. Из города к пристани Досфлота прибывают молодые рабочие флоты и заводов, студенты, школьники. Здесь, на станции, они проходят взы морской науки.

Начальник станции Валентин Иванович Кидалов и инструктор Всеволод Стрелковский — демобилизованные офицеры флота — знакомят начинающих с устройством шлюпки, с её свойствами и морскими качествами. Другой группы досфовцев тренируется по азбуке флотского семифора, по бросанию конца, по плаванию. Более подготовленные спускают на воду гребной катер, вскакивают в него и по команде инструктора Бориса Швеца чётко и организованно разбирают всё.

Дружно устремляются вёсла к носу катера и опускаются в воду. Загорелые тела гребцов откидываются назад, загребая весом упрутку воды. Катер легко скользит по мелкой морской ряби.

Борис Швеца, моторист одного из заводов, совсем недавно в числе одиннадцати досфовцев сдал экзамен морской комиссии и получил удостоверение старшины шлюпки с отличными оценками по всем предметам. Теперь он сам обучает других мастеров.

...В то время, когда на берегу и в открытом море на шлюпках полными ходом идёт практическое обучение моряков, на озере парка Победы рабочая и учащая молодёжь сдает нормы по плаванию, в бухте молодые рабочие с увлечением изучают водолазное дело.

Несколько часов назад в бухту пришла судна. Руководитель водолазного кружка Дмитрий Иванович Кушнин командует под воду молодого рабочего — будущего водлаза Владимира Мужанского. Через несколько минут разведчик в скафандре возвращается на палубу водлазной станции. Он докладывает, что в корпусе судна обнаружены отставшая латка и несколько выпавших заклёпок. Теперь он опускается под воду с двумя своими товарищами: Виктором Скворцовым и Евгением Паламаром. Они улавляют с собой аппарат подводной электросварки и в порядке практики ремонтируют корпус судна.

...В испытательном бассейне Института инженеров морского флота сегодня многолюдно. Здесь собрались учёные, преподаватели института и моделисты — члены Досфлота. Николаю Тихоновичу Орехову, старшему научному консультанту Черноморья, 64 года; он готовит к всесоюзной выставке самодвижущуюся модель лидера эсминцев. А Жене Митяину, ученику 6-го класса 105-й школы, всего лишь 15 лет, он тоже готовит модель — подводной лодки. И тому и другому интересно посмотреть испытания самодвижущейся модели морского буксира, управляемого по радио.

Небольшая модель плавает у стенки бассейна. Где-то, в одной из комнат, находится радиопередатчик. Радиет нажимает ключ, и миниатюрный приборчик, установленный на модели буксира, самостоятельно включает электромоторчик — двигатель буксира. Заработал винт, модель, пересекая бассейн, идет к противоположной стенке.

После испытаний завязываются беседы. Старшина портового катера Николай Масляндоз рассказывает о своей конструкции водлазной гальсера. Моделисты Досфлота обмениваются опытом, советуются, делятся своими планами на будущее.

На кораблях, идущих в море и стоящих в Одесском порту, с не меньшим напряжением учатся досфовцы-моряки. Повышая свою квалификацию, совершенствуются штурманы и радисты, мотористы и электрики, матросы и боцманы. Они готовят сдать завтра экзамены на штурманов, на механиков, на старших радистов.

В клубе и кружках Досфлота морские отставные офицеры М. Иванов, В. Рабцев, Г. Дрыкин читают лекции о русских флотоводцах, о приоритете русской науки в кораблестроении, о русских открытиях в Антарктике.

Каждый день интересной, напряжённой учёбы приносит будущим морякам новые знания.

...А вечерами, когда серебряная дорожка луны колышется на морской гальке, окрепшие, загорелые юноши поднимаются от моря в город. Они идут с мыслями о завтрашнем массовом походе плавающим поезде Одессы — Софиева. Этот поход посвящён Дню Военно-Морского Флота и станет боевым экзаменом досфовцев Одессы, проверкой их знания теории и практики, морской смежки и силовки.

Это будет завтра, а в мечтах многих людей вырастаются дни чуда отдалённого будущего: морские просторы и бороздящие океаны корабли...

И сколько среди них будущих штурманов и механиков, матросов и капитанов, будущих мореплавателей могучей морской советской державы! Они оглядываются на море. Его даль переливается серебром, минит, зовёт.

В добрый час, будущие моряки!

Город Одесса.

Главный судья соревнований П. П. Романов подбадривает старшину гребной команды досфовцев парохода «Генерал Черняковский», занявший в соревнованиях первое место.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

В городе Тамбове на берегу реки Цны стоит небольшая деревенька Дамы, в котором разместились все общественные организации завода «Комсомолец-Партибор», заводом, комитет комсомола. Секретарь комсомольского комитета здесь работает Татьяна Яковлевна Павлова, но все называют её просто Таней. Это не открытое лицо, чуть припухнувшие, смеющиеся глаза, ровный пробор светлых волос. Везде, где Таня появляется, она приносит с собой какую-то неуловимую чистоту, располагающую искренность. Когда она стала секретарём, в первый же день начала приводить в порядок комнату комитета комсомола. Таня попросила помыть стены, вымыть полы, вынести расставленные столы, достала где-то диван — правда, не первой молодости и переживший, видимо, много хозяев, — принесла откуда-то шкаф, сложная туда краски, бумагу, плакаты и — стало в комнате светлей и просторней.

— Ах, как хорошо! — воскликнула Аня Клиникова, зайдя вечером в комитет.

Так было в первый день, а на следующий Таня пошла по цехам. Весёлая, приветливая, подойдёт, остановится, поговорит с ребятами; казилось, на душе у неё легко, свободно, на самом же деле она очень волновалась. Легко привести в порядок комнату, но куда труднее начинать работу на заводе, комсомольская организация которой чуть ни полгода была «притчей во языцех» и в райкоме, и в горкоме, и даже в обкоме комсомола.

Представительница Таня была, в сущности, честной и исполнительной девушкой, но у неё не было опыта комсомольской работы. Она была избрана секретарём по рекомендации райкома комсомола. Но вот прошла месяц, второй, а работа в комсомольской организации не улучшалась. Что же сделала райком и горком комсомола? Как помогали молодому секретарю? По существу, никак. Только выносили грозные решения, неизменно начинавшиеся словами: «Считать недостаточным». Представленная самой себе, девушка, вместо того чтобы опереться на актив, бралась за все дела сама: бегала по цехам собирать взносы, повторяла комсомольские нотации, слышанные в райкоме, уговаривала комсомольцев идти на занятия, устраивала в дни учёбы заслоны у проходной. И, конечно, ничего у неё не получалось, всё выдалось из рук. Выяснения слышались одно за другим, а в конечном счёте, что её освободили «за развала работ».

Таня попыталась разобраться во всех этих делах. Почему за последнее время ни один молодой рабочий не подав заявления о приёме в комсомол? Почему у некоторых хороших ребят образовалась задолженность по членским взносам? Таня поняла: это оттого, что её представительница была одна, у неё здесь не было подруг и товарищей, не было помощников, не было главным — актива.

Как будто бы простое дело — собрать на заводе комсомольцев. Там, где комсомольская работа поставлена на очередь, собирать незачем: придут сами. А здесь, в механизированном, приходится ходить от станка к станку, каждому молодому рабочему объяснить, что это нужно и интересно и убедить, что это предельно выгодно. Конечно, Таня могла убедить ребят, и они придут, но ведь есть в цехе комсорг Аня Клиникова. Пусть она организует занятия! — Через час Таня становилась свидетелем мало соборной на занятиях. Ей казалось, что это её вина, что если бы не комсорг, а она сама говорила с ребятами, пришла бы все. И всё же Таня успокаивает комитет Ани Клиниковой. Таня хорошо не бывает, Аня. Соберёмся, поговорим.

А после собрания, тяжёлого, томительного, дождя на допрос, у Таня разговор с Мишей Малакшиным, группиратором.

— Скука, Таня... Месяц одно и то же...

Таня смотрит на него. Он свинную бровь, и они вырываются в одну прямую линию, а над перекошенной дугой собраны складки. Когда Миша говорит, эти складки слегка вздрагивают и набухают.

— А что ты предлагаешь? Ничего не предлагаю, но знаю, что плохо, когда вот третье собрание у нас всё та же пеница: от уплаты членских взносов и о посещении занятий политшколы.

— Что же, Миша, делать?

— Повеселю что-нибудь... Для девушек танцы до утра, что ли, а нам, товарищам... Миша не окончил и расхохотался. Он, конечно, шутит, но Таня сама знала, что многие девушки чересчур увлекаются танцами и тратят на них всё свободное время; приходилось ей водить в клубы и подвыпивших ребят. «Не сердись, Таня, — говорили они, — выиграть невозможно, да веселиться...»

Игорь ДРУЖИНИН

НАТАШЕ

Когда ты вырастешь большая,
Я расскажу тебе том,
Как враг пришёл, всё разрушая,
В наш солнечный, великий дом.

Войны негнёт дороге
Прощай как рядовой,
Кто воздушные тревоги
Не нарушил той порой;
Чтоб тонны грозного металла
Не разрушил горюю;
Чтоб ты свободной выростала,
Своею Родной гордо;
Чтобы промёрзшему осмыслил
Ты не делая на тропе...

Дерни сполонно погренуши
В румночас слабеньких вояк.

В твоём краю, большом, боготом,
Разрыта бьёт не заргнет.

Мы не позволим, чтоб в атом
Испепелил цветущий сад,
Убийцы поднятую руку
Рука народов отведёт.

Спокойно — Тому порной
Страна твоя и твой народ,
Отважные гвардейцы наши,
Друзья твои во всей земле.

Салт — а жоей Наташе
Салт — Сталин думает в Кремле.

Долго помнила Таня этот разговор с группиратором «Скука, Таня...» «Что же делать?» А делать что-то надо было обязательно.

Как-то Васильи Павлович, секретарь партбюро, встретил её, спросил: «Что ты, Таня, такая мурная? Пойдём ко мне, рассяжались».

И Таня рассказала. Внимательно выслушав её, секретарь партбюро подумал и предложил:

— А ты возьмишься как вместе с Аней Клиниковой и устрой вечер вопросов и ответов.

А ведь верно! И как это ей самой не пришло в голову? Написала объяснения, повесила почтовые ящики. Через три дня набралось 52 вопроса. Вопросы были раз-

ные: «Почему твоя забейная?», «Положение в Китае?», «Что сейчас делает Марселев?», «Почему у многодетных не поместится мой заметку?», «Человек, говорит, пропозител от обезьяны, а обезьяна от кого?», «Почему на нашем участке все выполняють нормы, а весь участок не выполнил месячного плана?», «Положение молодежи за рубежом?».

От ответов привакала и преподавательница вечерней школы, и секретаря партбюро завода, и начальница цеха, и редактора многотиражки, и инженер. Вечер прошёл очень интересно. Потом привнесла доклад о трувах Кривоного. После этого пошла с песней по заводскому двору. Вышла на улицу, у маленького домика, что над Цной, остановилась. «Завидём в комитет?» Зашла, расхохоталась и начала думать, каким будет следующий вечер. Шумела так, что через три стены услышала Васильи Павлович и пришёл туда, что случалось.

Это был счастливый день для Таня.

На втором собрании в этом же цехе Таня сделала доклад об интересных занятиях.

Интересные беседы прошли и в других цехах. В одном из цехов провела собрание на тему «О личном и общественном». Комсомольцы говорили всё время о том, как работать без брака, о чрезмерном увлечении танцами, о чувстве товарищества, о членских взносах, о посещении занятий политшколы.

Тот же Миша, который прежде по три месяца не платил членских взносов, с жаром говорил об ущербе, который он нанесёт: та же Надя, у которой прежде в дни учёбы всегда находились неотложные дела, рассказывала об интересных занятиях в кружке.

Аё тронулась. Топорь Таня приходит в цех — и всё её ясно. Она знает людей, их желания, думы.

Вот Таня становится в механизированной. Только открывает она дверь, как издадека, с самого дальнего конца цеха, доносится звонкий галос:

— Таня-я! Таня!

В цехе смеются. К станку подходит мастер.

— Не в поле, Гавриля Васильевич. Ты же в цехе, не зьять так кричать.

Ну, конечно, это Попов, ученик и друг группиратора Миши Малакшина! Запомнил Таня первый приход его в комитет.

— Попов! Гавриля Васильевич! — солидно представлялся он секретарю.

Так и пошло с тех пор за ним это «Гавриля Васильевич».

Когда Таня подошла к станку Попова, Гавриля Васильевич молча открыл железную дверь инструментарного шкафа, вынул оттуда листок бумаги и подал его Тане. Это были производственные предложения. Таня, хорошо знавшая производство, сама порой удивлялась, почему простую гайку изготавливают на фрезерном и токарном станках, да ещё по чертежам, тогда как на любом автомате можно изготовить в десять раз быстрее. Заметка Попов и другие неслучайны в технологии.

«Помнишь, Таня, — горчико объяснял он ей у нас дома, — представляю колхоза всегда pronta собрать комсомольцев, чтобы так сказать, поставить задачи перед уборкой или весенним севом. Мы чувствовали, что правление колхоза опирается на нас, что в комитет в порядке, раз такие вещи делаются... Забывает начальница цеха пор нас».

Таня поняла, что комсомолом прав. И в ней здесь не только начальница цеха, но и она, секретарь комсомольской организации. Речь идёт, конечно, не о том, чтобы начальник отчитывался перед комсомольцами. Вовсе нет. Но должен ведь

начальник знает, что каждый комсомолец искренне хочет помочь производству, хочет получить обстоятельные ответы на волнующие вопросы и о рационализаторских предложениях, и о причинах простоев, и о многом другом, о чём думают и говорят молодые рабочие.

— Спасибо, Гаврюша. — Тانيا впервые так назвала Попова. — Об этом мы как-то не думали...

Сразу же после перерыва Тانيا вышла к начальнику цеха и рассказала ему об этом разговоре.

Начальник цеха Зибер Османович Муратов, пока говорил Тания молчала. Он думал, казалось, совсем о другом. Но когда Тания кончила, он поднялся из-за стола и пожал ей руку.

— Всё, что вы с Поповым придумали, очень правильно. Комсомольцы обязаны знать экономичку своего производства. Обещай вам, Тания... На первом комсомольском собрании цеха станьте мой доклад... И всех мастеров, инженеров пригласиу.

Когда Тания вышла из цеха, пролегла протяжно гудок. Навстрочу ей двумя авианями пошли люди. Тانيا знала большинство их не только в лицо, но и по фамилиям, знала, где работает каждый из них: ведь она три года на заводе... Почему-то Тание вдруг вспомнилось, как однажды на фронте она передавала по радию команду наступающим частям. Генерал связывался то с артиллеристами, то с танкистами, то с авиачами. В ожидании донесений из частей командующий присел на траву и снал фуражку. Тание было радостно, что именно ей поручивалось передать приказ о наступлении. Вдруг генерал сказал ей: — А знаешь, старшина, жидём-то ведь мы для людей, для народа... Война нам ни к чему!.. А? Надо кончать с ней. — Он посмотрел на часы и вынул фуражку: — Вызывай-теся ко мне поскорее «Ефрему»...

Может быть, Тانيا вспомнила об этом потому, что именно сейчас она как-то ярче осознавала огромную свою ответственность перед молодёжью завода: ведь и она, Тания, ждём-то для этой молодёжи, для народа...

...Тانيا пришла в комитет. Здесь было совещание молодых рабочих-стахановцев. Она вошла в комнату в тот момент, когда Коробальников задавал вопрос: — А как у нас на заводе с увеличением производительности труда и внедрением новой техники?

— Разрешите?
Тюхарь Сава Ступников поднялся с места. В его движениях и в речи были откровенность и чёткость, которые всегда отличают военных людей.

Он рассказывал об автоматической электроварке, о внедрении пневматики. Слушали его с интересом все, а особенно Зина Распопова — член комитета, ведающая учётом. Когда он кончил, поднялась Зина. Она вместе со Ступниковым ходила в плавильный отдел и хочет кое-что добавить к его выступлению.

— Недавно снижены нормы на некоторые детали, — говорила она. — Но техника идёт вперёд. В прошлом году средняя заработная плата рабочего была чуть больше 500 рублей, а сейчас — 623 рубля. А также, как Маша Никонова... Скажи вот ты, Аня, сколько в твоём механисборочном зарабатывают молодые ребята?

Аня Калникова отвечает, что меньше чем тысячу рублей чистыми не выходит, а Маша Никонова, разметчица, зарабатывает и больше...

Тانيا сидит на диване, смотрит на своих подруг, товарищей, с которыми она работает и дружит. «Вот сейчас кончится совещание, — думает она, — и я расскажу им про разговор с начальником цеха. Пускай вечером подумают, а завтра соберёт комитет комсомола... Надо будет и насчёт лекций и насчёт вечеров познакомиться...»

Вечером Тانيا говорит с Василием Павловым. Они долго сидят в партбюро, и на телефонные звонки Назаров, человек очень вежливый и внимательный, коротко отвечает: «Сейчас не могу... Очень занят... Позвони сам...»

...Солнце уже садится. Над берегом Цны загораются первые зори...

Александр ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

Эстафета трёх рек

Эльбруса белое седло
Над синими хребтами.
Реки зелёное стекло
Застыло меж горами.

Но в реку пристальное глянь, —
И ты поймёшь не сразу:
Так мчится бешено Кубань,
Что не уловить глазом.

Летит, накапливая мощь,
И берег в беге лижет,
И каждый встречный ключ и дождь
Её быстрее движет.

И вот, расставшись с крутизной,
Покинув лёд и горы,
Течёт широко волной
Через долины к морю.

Здесь исчезала без следа
Назю земле и людям
Кубани поля вода...
Так было. Так не будет!

Артельный труд, колхозный строй
Заочёт — всё он сметает:
Под Недреминой горой
Туннель теперь проложен.

Избиток вод в туннель идёт,
Пробитый аммоном,

И вновь, покинув тёмный свод,
Открытым мчит кавалом.

И Егорлык, водою полн,
На скорость споря с ветром,
Несёт разливу кубанских волн
За сотни километров.

Стремит течение своё
В солёные лиманы,
И эстафету трёх краёв
Переинавает Маныч.

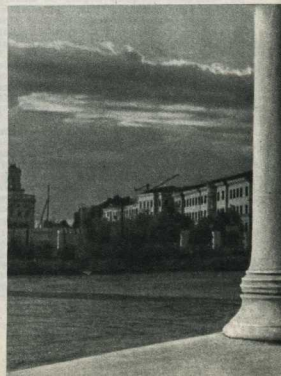
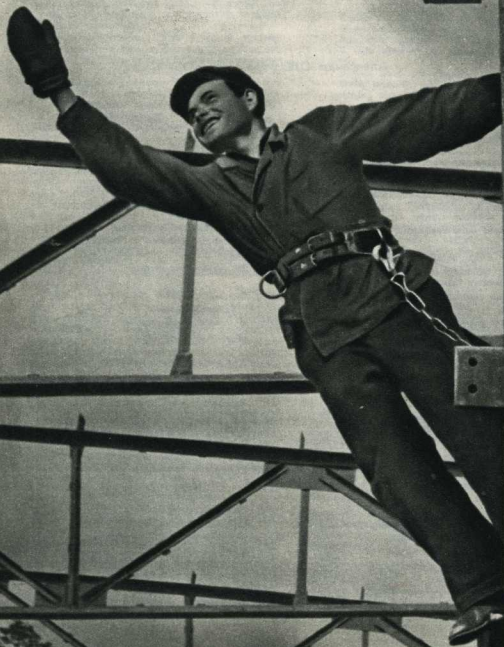
И, чтоб покончить навсегда
С песками, с горькой солью,
Живая движется вода
На Сальск от Ставрополя.

Водой наполится русло рек —
И ширя их не измерит!
Порухой в этом человеке
В простой шинели серой.

Там, где железяка и бетон
Больше сооружений,
Куда водосбор слышит он,
Гул слышал гром сражений.

Он смотрит в степь. Он видит тут
Лицо своим природы.
По новым руслам ядаль текут
Обуданные воды.

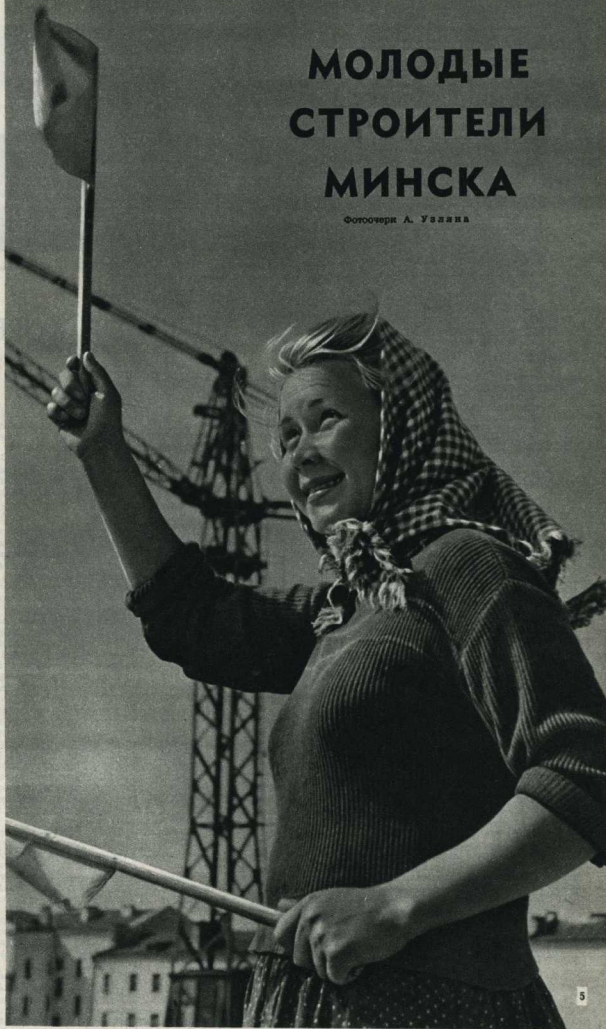
1. Один из лучших монтажников-стальников Минска, Анатолий Чапун, на монтаже железных конструкций нового цеха.
2. На стройке жилого дома по Советской улице проходит производственную практику учащиеся Суевского строительного техникума В. Бугино (слева) и В. Шлытун.
3. Производственное обучение учащихся школы ФЗО строителей № 25 на одном из строек. Руководит работой стили мастер школы И. Потапович.
4. Целью квартала Больших Красных зданий выросли на Комсомольской улице.
5. Уверенно направляет работу гигантских башенных кранов молодая регулировщица Инна Вламенцева.

МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ МИНСКА

Фотоочерки А. Услана

С освобождением Советской Армией Кореи от японских оккупантов народ Северной Кореи вступил на светлый путь новой жизни. За короткий срок были преодолены коренные демократические преобразования в экономической, культурной и общественной жизни народа. До основания перестроено, а вернее сказать, заново организовано среднее просвещение. Реконструированы старые, построены тысячи новых школ, гимназий и других учебных заведений. Просвещение стало достоянием всего народа. Миллионы людей, оставшиеся при японцах неграмотными, за эти годы ликвидировали свою неграмотность в вечерних школах для взрослых. С 1950 года в Северной Корее будет проведено в жизнь всеобщее обязательное начальное обучение.

Особенно значительных успехов достигли мы в области высшего образования.

В северной части Кореи при японском владычестве не было ни одного высшего учебного заведения. Теперь здесь насчитывается 15 вузов. Построен громадный университет, который носит имя национального героя корейского народа Ким Ир Сена. Открыты специализированные сельскохозяйственные, медицинские, педагогические, филологические и художественные институты. Эти институты народными учебными заведениями являются головными корейского народа, крепкой основой возрождения и развития науки, культуры и искусства Корейской народно-демократической республики.

Эти высшие учебные заведения полностью оправдывают все возложенные на них надежды народа, они поддерживают и укрепляют в короткое время они добились огромных успехов в деле восприятия переломной науки, в деле возрождения и развития национальной культуры, также в подготовке для нужд республики новых руководящих кадров, квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства и культурной деятельности.

В настоящее время обещает 10 тысяч студентов превышает 10 тысяч человек, а преподавателей в высших учебных заведениях насчитывается свыше 200 человек. Благодаря с большим патристическим подъемом и воодушевлением овладевают знаниями, наукой, культурой, вынашивают научно-исследовательской работой, чтобы оказать народу максимальную помощь в строительстве новой, демократической Кореи, быстрее идти к великой цели, поставленной переносом в верховной власти и вождём корейского народа Ким Ир Сенем.

С 1948 года по настоящий момент уже подготовлено немало руководящих кадров, являющихся передовым отрядом строительства демократического государства. В 1948 году учительский институт окончили 549 человек. В 1949 году 10 политических, сельскохозяйственных, медицинских и педагогических вузов окончили 830 человек, в 1950 году эти вузы выпустили 1944 человека. 2706 человек заключил в этом году вечерний индустриальный вуз и заочный учительский институт.

В высших учебных заведениях установлена система правительственных стипендий, охватывающая от 80 до 100 процентов уча-

Первый университет в Северной Корее. Занятия на медицинском факультете.

ВУЗЫ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ

ТЯН И ХУАН,

начальник департамента высшего образования
Министерства просвещения КНДР

Американские агрессоры, развязавшие межкорейную войну в Корее, намерены лишить корейский народ всех его завоеваний в области народного хозяйства и культуры. Они считают, что темных, невежественных людей здесь не держат в почете.

Студенчество Кореи, как и весь народ, единодушно подыалося на борьбу за честь и независимость своей родины, за свои права на культуру и науку. В самовольной войне, которая идет сейчас на полях и солках Кореи, учающаяся молодежь находится в первых рядах борьбы за свободу.

щихся, что даёт возможность получить высшее образование рабоче-крестьянской молодежи и трудовой интеллигенции. Также государственные мероприятия учащают молодежь встретить с энтузиазмом. Студенты с большим воодушевлением овладевают наукой, готовятся к достойному служению своему народу.

Высшим научным центром в республике является университет имени Ким Ир Сена. В сентябре 1948 года университет был разрушен. От него отделились политический, сельскохозяйственный и медицинский факультеты и развернули деятельность как самостоятельные институты. И даже после этого университет имеет 10 факультетов, 23 кафедры, 190 преподавателей и 2400 студентов. Подготовленное отделение института насчитывает 900 студентов, заочный институт — 1200, в аспирантуре 40 человек.

В настоящее время прилагаются все усилия к повышению качества преподавания и уровня знаний студентов. Университет имеет для этого все необходимые лаборатории, музеи, кабинеты, обладает ценными собраниями исторических материалов и других всевозможных их экспонатов. В университетской библиотеке насчитывается более 100 тысяч томов научной, политической, художественной и другой литературы.

Ведущей кафедрой института является кафедра марксизма-ленинизма. Она располагает богатыми пособиями; имеются труды классиков марксизма-ленинизма и различные пособия, иллюстрирующие славу историю борьбы рабочего класса России под руководством партии большевиков и деятельность ее вождей — Ленина и Сталина. Помимо учебных лекций кафедра проводит диспуты и то-

вазе строится на основе материалистической науки. Педагогическая и научная работа института охватывает все отрасли сельского хозяйства: агрохимию, ветеринарию, лесоводство, рыболовство, шелководство, садоводство и другие. Институт активно содействует переводу сельского хозяйства Кореи с феодального метода на современный научный метод, в основе которого лежит материалистическая биологическая наука, что, несомненно, в ближайшем будущем даст свои реальные плоды, и земледелие корейского крестьянства поднимется на более высокую ступень.

В Северной Корее широко развернута подготовка учителей классов. Бурное развитие народного просвещения потребовало не только большого количества учителей, но и более высокой их квалификации. Эту задачу выполняют педагогические и учительские институты в Пхеньяне, Хайдэу, Синдэу, Вонсане, Чендэне.

В Северной Корее созданы и медицинские институты в городах Пхеньяне, Хымгане и Чендэне. Научные силы, вооруженные опытом передовой советской медицины, сумели добиться больших успехов в исследовательской и клинической работе. Все свои стремления они посвящают борьбе против целого ряда тяжелых заболеваний, в частности, к медицине на службу народу. При японцах медицина была достоянием только привилегированных классов.

При медицинских институтах имеются хорошо оборудованные клиники. Центральная больница при Пхеньянском институте в прошлом году перешла во вновь построенное здание. Медицина в нашей стране стала достоянием народа.

Наряду с другими учебными заведениями в Северной Корее созданы музыкальные и художественные школы, которые являются в систему высших учебных заведений. В этих школах проводится работа по развитию национального искусства на демократических основах.

Во время японской оккупации, чтобы воспротиставить озаномлению корейского народа с переломными идеями, строго запрещалось изучение русского языка. После освобождения от японских колонизаторов всеобщее стремление к изучению русского языка охватило широкие народные массы. Основан институт русского языка. Студенты с большим рвением изучают русский язык, чтобы иметь возможность овладеть самой передовой научной техникой и культурой великого Советского Союза — олимпиа мира, свободы и демократии всего мира.

Всё это, бесспорно, обеспечит быстрый культурный подъем страны.

Достигнутые успехи в развитии народа Северной Кореи в организации народного просвещения, и особенно высшего образования, колоссальны. Их можно сравнить с тем, что было до сих пор на юге нашей республики, где вместо японских хозяйничали американцы и их лакеи — те же японцы, которые держали народ в темноте, невежестве, душили народное просвещение и корейскую культуру, чтобы навсегда оставить народ Южной Кореи в рабстве и бесправии.

(Из журнала «Новая Корея». Печатается с сокращениями.)

КОНЦЕРТ В ЯРОВКЕ

Рассказ

Сосем мелко напечатаны на афише фамилии артистов концертной бригады. А яровчане прочитали — и полетела радостная весть по селу! Марини Фёдоровны завлекло дилемно. Прозвнесла только: «где, где она!» — и миглом к сквородне, на которой поджаривался лук, отодвинула так, что даже плеснула и зашипело на плите масло, сама — платок на плечич — и в дверь.

— Едет, едет Ярославля, Ярославля едет.

У Марини Фёдоровны заветное дилемно. Прозвнесла только: «где, где она!» — и миглом к сквородне, на которой поджаривался лук, отодвинула так, что даже плеснула и зашипело на плите масло, сама — платок на плечич — и в дверь.

— Стой!

Не удержать её... И слушать не хочет того, что кричит ей Христина вдогонку. За калиткой остановилась, широко раскинула руки, словно обняла дочери отпрыска...

— Какая же ты, ей богу, титусу!... — Христа подошла, поправила на Марини Фёдоровне платок. — Не дали даже рассказать всё как следует. Концертная бригада к нам из Львова едет. Вон, смотрите, хлопцы артисты читают. А в ней и про Ярославля написали...

У афиши ведут оживлённый разговор о предстоящем концерте два парня. Один из них — в синем галфе с кантом, агротехник Филипп — расхваливает танец «Аркан» из программы: бывший артиллерист не забыл ещё своей встречи с горняком Карлат во времена освободительного похода. Другой — счетовод сельсовета Павло Горещий — жалуется на своё начальство: тут концерт, а в районе додумались лекцию о двойной бухгалтерии читать... У него готово уже было сорваться крепкое слово, но, увидев Марию Фёдоровну, он осекся, замолк.

— Вот твоё «двойная бухгалтерия», — подтолкнул Горещий о бок приятеля, показывая глазами на колохозную кухню. — И когда ты уже, Павло, баланс с ней подведёшь?

— Какой баланс! — слово не поняла наёмка Павло, а сам подумал: «В самом деле, надо будет про всё сказать Ярославле. Не хочет будущая тётка признавать его, Павла Горещий, кто на колени палдай перед нею?»

Всё же он почитательно поклонился матери Ярославле, затем нагнулся к афише и красным карандашом подчеркнула два слова. В ничто и вписала сразу Марини Фёдоровна. Губы её шевелились, беззвучно проносил буквы, с трудом составляя по складкам слово: «Яр-Яро-Ярославля». Читает медленно, потому что только в этом году научилась в колохозной школе грамоте. А тут ещё глаза словно заворонились, туманятся они...

Связь слёзы радости смотрит на личуistou афишу, а сердцем видит куда больше. Она как бы видит около себя свою дочьнюку: вот она здесь стоит, радом. Стоит и, как всегда после долгой разлуки, взволнованно вздрагивает длинными густыми ресницами, ласкает материнское сердце нежным взглядом черных [отцовских] глаз.

— Завеч, признай нашу Ярославля артисткой, если фамилию на афише напечатаны... авторитетно объясняет бывший артиллерист... Овсядела-таки наукой! А это штука не проста. В каждой профессии свои тонкости есть. Марини Фёдоровна прочитала ещё несколько фамилий, стоявших радом с дорогим именем дочери.

У афиши ведут разговор...

— Домой бы взять потом... Я каждый бы день на неё глядела и любовалась...

Чуткий слух у Павла Горещийго. Даже Христа не успела ещё ответить Марини Фёдоровна, а он уже исча. Через минуту выбежал из клуба, держа в руках свернутую трубку афишу. Проткнул её Марини Фёдоровне. Она ашла, благодарно взглянула на Павла — парень засмал.

Бережно, как рубинка, прижимая к груди свернутую в трубку афишу, Марини Фёдоровна шла в колохозный двор.

В конторе колохоза тоже уже знали о предстоящем концерте. Парторг Семён Дашко только что говорил по телефону с районом, спрашивал, не дадут ли по такому случаю колохозу напрокат пианино.

— Свой поре имейте! — ответил заведующий районным Домом культуры и даже похлопнул «москвичка», дескать, смогли купить, так купите и пианино.

— Занялся Ландар, — резюмировал Семён Дашко, рассказывая председателю колохоза о своём телефонном разговоре. — Но мы его с другой стороны попробуем...

И снова позвонил в районный Дом культуры:

— Вот что, товарищ директор... Перед началом концерта я лично схожу вступительное слово, и будет оно начинаться так: «Дорогие яровчане... Так, дескать, и так... могла бы наша дорогая землячка Ярославля Постояноу познако-

мить нас с классическими произведениями, но она лишена возможности это сделать потому что... есть ещё один «застывший» яровчанин, почтенный Порфирий Хомих Ландар...» Что?... Савинство, говоришь? Пусть будет и так! А закончу тем же: «из-за него, дескать, из-за этого самого почтенного, петь Ярославля не будет...» — помолчал немножко, слушая Ландар... Под брань! — Семён Дашко стукнул себя многозначительно по лбу, словно Ландар мог это видеть: — Вы, Порфирий Хомих, культурой в районном масштабе руководите, а такую афишу несёте. Ну что же это Чайковский под бан исполняет!

Звеньевая Христа, присутствовавшая при разговоре, оборонила словечко председателю колохоза:

— Давно комсомольцы просили: купите пианино!

— Да мы собирались... — оправдывался председатель.

— Очень долго собирались...

— Ну, ничего. Споёт нам Ярославля те песни, которые когда-то пелава. А за пианино пусть уж извинит нас...

— Разве у соседей, в «Молотове», попортило? — вслух подумал парторг.

С союзком только и связи сейчас, что людью. А кружился тутём не повзвиз: никто не разрешит столько бензину истратить... Каждый грамм на учёте.

— Очень уж долго возьтась они с мостом, —

снова отозвалась Христа. — Не надо было и разбирать, если так копаться...

— Отсесть, а свободные рабочки рук — скорей дело пойдёт. А разбирать всё надо было. Если бы не они, весёлым полководцем было бы. Факт!

— Так, может... может, мы помогли бы им...
— У Семёна Дашко глаза бросились ивадок. — Девя там, на мсту, немного отстояло...
— Неудобно. Если бы с самого начала. А то выходит: «Здратье, и мы пхали!» — предсказать решительно поднялся. — Лучше поковыряться ещё раз Лягуву. А отходы нето, в себя тогда падёт. Я уж надуу, как отблагодарить...

— Постой! — остановил его партгор. — Не кланяться. Люди свободные у нас есть! Есть! Минимумкай Наведи! Давай, давай, вы и в себя могу взять руководство бригадой сапёр, слава богу. Хорошо дело сделаем, председатели! А ну, Христа, зови вашего комсомольского секретяря...

Полыхает зверю на Сенничей. Жерко пилот огни костров из сосновых лагушек цылок, тогда кто-нибудь подбавляет стружку, — целым снопом искр салютуют ввысь и ввысь. На совхозном берегу реки в кузове машины стоит покрытое большим ковром плиннино. Трактористы ночной смены, и те не выдержали, приходили в перерыв посмотреть. — Для «блестящего переправу гонимого!» смеялись они.

Полторотоника с плиннино в самом деле чем-то напоминала гвардейский миномёт. Вышедшему артиллеристу Филиппу полелась такой зонтик топор, что всё вокруг него немолочно зеленело. А рядом Павло Горещий. Ему, как работнику умственного труда, поручили размечать мелом горбыль. Он время от времени вытирал вспотевший лоб и удивлялся: как же это может человеку человеку выдержать столько из рук топора, если сам он, Горещий, даже на такой лёгкой работе, как разметка горбылей, устал! Курносенькая и пухленькая Саррафина Ярославская дважды поднесла ему воды, а затем и Филиппу. Павло ещё раз взял, а Филипп только благодарил девушку. Когда поднесла в третий раз, Филипп взял кружку и плеснул водой на брусок — точила топор. А Саррафина задумчиво смотрела на его локане руки, на чуб, выбившийся из-под военной фуражки...

Павло перехватила взгляд девушки и, когда она отошла, сказала артиллеристу: — У тебя, Филипп, звуку, тоже «единица бухгалтеря». Счастья твоё, что у тебя Саррафина на мою тещу не похожа... С ней можно договориться...

«Ребёнок, что он понимает!» — подумала Мария Фёдоровна, проходила в это время мимо. Не вторая ли слышала она от него подобные слова. Пусты! Люди говорят, что Ярославла и Павло — ничего себе пара.

Всё вводит Мария Фёдоровна свевидящим глазом матери! Вот и вчера не кто другой, а Павло красным карандашом очеркнула на афише имя Ярославла... И мило это сердцу матери: уже не одной ей, выходит, дочка Ярославла. А ещё милое то, что дочь в люди вышла, таланта своего не згубила. И молодости и в Марии Фёдоровне слышавший голос был, без неё в Ярославке никакие песни девчат не обходились. Покойный Марко за это и полюбил её, без приданого взял.

Медленно идёт Мария Фёдоровна от реки, над которой плывёт зонный шум, уходит на знакомую тропку. А в мыслях всё Марко покойный. Не привелось ему попробовать нашей радостной, светлой жизни, не привелось дочку увидеть настоящей, услышать её голос, слышать, как сорванный колокольчик на пути... Эх, Марко, Марко!.. Да разве ты знал даже слово такое — «консерватория». А дочка твоё Ярослав уже третий год во Львовке живёт, в этой самой консерватории учится. Фом и Филипп её время красной афишей плавает. В хате прохладно, окна и до сих пор открыты. Может, испостить печку! Дочка тепло любит. Включила электрический свет, пошла за الدواء, а оказалась в кладовой. Чем Ярославку гонимый! Сидит и-под светом потолка и поёт, очёный окорок. Спать половину надо, любит она ветицну. Заглянула в бонок — кощанди лежала злаята злаята колбаса. Взять на завтрак. Сухых слив прихватила, десюток янц,

кусок сала. Пусть будет в хате, под рукой. Затем спускается в погреб, всё понемножку выкладывает в кастрюли, а сверху яблук мочёных сполоснул.

Когда разогорелась в печке, замесила тесто на пироги. Разрезала пополам роскошную тещку и выбрала семечки, все до одного. «Когда она пробовала их в последний раз!.. Поджарила их в дутяго, с краешка — только бы не пережарили!

Озабочено сутулился Мария Фёдоровна в хате до самого утра. Спасибо председателю — отпустил её по случаю приезда дочерей на целый день. Отдохнёт ещё!.. Достала новую платку, сшитую из материала, привезённого ей Ярославой в прошлое лето, жёлтые сапожки хромовые. Умылась холодной водой.

Только после всего этого легла. Долого не могла уснуть, всё пыталась представить себе, что было бы, если бы вот сейчас вошла в хату её покойный Марко. Не поверил бы он, что сама она, своими собственными руками, всё это в колхозе заработала. Сказал бы, наверно: «А не вышла ли ты, Мария, случайно, замуж за богатого пана?»

Самодельный «опитер» бросает жаркий сноп света на середину комнаты. Сегодня около него работает сам «конструктор» Филипп — в семье гитарист, сурсыонка ретель, при двух орденках. Светодиод Павло Горещий тоже здесь (отложили всё-таки лекции!). Он попытается

Строгая, задумчивая стоит Ярославла перед притяжннм залом.

было приносится около зрителя, но Филипп категорически сказал «нет»:

— Мешать будешь...
Гитарист покрутился и сел в тринадцатом ряду. Снева от него — Саррафина справа — дед Онисий, колхозный птицевод. Брови у деда совсем вывели, усы мягкие, желтоватые, как пух на щиплятах. Оглянулся дед Онисий и тут же соды, прочитав все лозунги на стенах, а зинкас всё ещё не поднимается. Вынул было свою прокурную трубку, постучал о краешек стула, вываива пепел, но, почувствовав на себе удивляющий взгляд Саррафины, вспомнил: курить-то здесь нельзя.

Почему не поднимают? — спросил он Павла Горещего. — Может, и до сих пор ту плиннину ещё не доставили!

— Ну да, скажете же такое! — вымещался Саррафина с конфорки. — А с поля не всё ещё люди пришли, — ответил Павло Горещий.

— А-а-а!.. — успокоился дед Онисий. Сзади оживление: человек двадцать колозников только что вошли и занимают свободные места. Вдур со сцены голоса:

— Товарищи! Просьба к сидящим в первых двух рядах: все, кроме Марии Фёдоровны Постовой, перейдите, пожалуйста, в двенадцатый и тринадцатый ряды. Первые два ряда зарезервированы сегодня для полевой бригады Петра Кокухаря.

Послышался голос: — Правильно!

— Они прямо с поля — стаяночком первые ряды!

— Семь гектаров сверх плана за день посеяли!

А из парадных рядов: — Вечно наш завлукбом что-нибудь выдумает...

Огородники в три раза больше дохода дали, — гордится ninguno.

— Неправда! — завлукбом говорил громко, чтобы его слышали не только огородники. — Прошлых успехов мы не забываем. И вы в парадных рядах сиделись вдоволь. Дайте и другим! Петра Гингович! — крикнул он Кокухарю. — Проходите со своими людьми вперёд. Сейчас начинаем.

...Сплели кантату о Сталине, затем и-за-за горды две хоры высокие!.. Голоса молодых артистов заучены, Петра Гингович! — крикнул он Кокухарю. — Проходите со своими людьми вперёд. Сейчас начинаем.

«Не все снова разбирает мать, но счастье до краёв переполняет её сердце. Ярославла, как и все девушки в хате, в гулшомом праздничном наряде. В луче «опитера» сверкает, переливается огнями монисто, самоцветами ярких цветистые веночки, лукаво светятся юности.

Павло Горещий с укором поглядывает на Филиппа, словно говоря ему взглядом: «Довольно крутиль! Наведи на центр и держи. На центр!» — потому что там Ярославла... — Уж... — отчётливо замечает в рядах среди других голосов голос дочери. Ярославла везает.

Павл «Верховное, сёиту ты наш». Сначала некая красавица, низко кружит над рожь, в высоту равнинной. Но вот она разувалась, а вместо: ветер-богатырь хочет остановить её, быть с силой в грудь, а она всё выше и выше... Весело песне-ласточка, но всё под солнцем, потому что она ослепляющая!

Долго гремят аплодисменты... «Опитер» во время перерыва бросил свет на первый ряд. Мария Фёдоровна прикрыла глаза рукой. А партгор Семён Дашко шепчет ей на ухо: — Это уже только как заветер, аплодисменты. За дочку благодарят. Не вы ли, Мария Фёдоровна, талант к Ярославле перешёл... На сцене повязался плиннино. Юноша в очках сел к нему, взял несколько аккордов... Из-за кулис гуляла...

— Дипломатика вокального факультета Львовской государственной консерватории...

Длинное чёрное платье сделало Ярославлу совсем непохожей на ту сельскую девушку, какой была в детстве — и полнясь весёлыми конфорки концерта. Шею уже не закрывает монисто, и на чёрных, выложенных венком волосах никакие украшения. Только на груди, у сердца, броская-ласточка, широко раскинувшая в полёте больше стрельчатые крылья.

О, как сладостно защемило в груди Павла Горещего, увидевшего свой подарок! Строгая, задумчивая стоит Ярославла перед притяжннм залом. Вот она послала лёгкий ивовый голосок вперёд — и полнясь весёлыми ручейком музыка...

— Чайковский! — торжественно прошептал партгор Семён Дашко Марии Фёдоровне.

Самые тонкие оттенки человеческого чувства переливаются её арчанье в парам отголосков искренного чувства... И кажется Семёну Дашко, что вот так каждый и звонко должен начинаться в Ярославках каждый день — юный, солнечный, ладный...

Но как он не догадался, что наподобится цветы! Партгор Семён Дашко чувствует себя виноватым в том, что их сейчас нет. А вокруг буря ликующих восклицаний и аплодисментов, восторга и восторга. Глаза Ярославлы сияют, как звёзды, струясь лучами искренного чувства... И кажется Семёну Дашко, что вот так каждый и звонко должен начинаться в Ярославках каждый день — юный, солнечный, ладный...

Но как он не догадался, что наподобится цветы! Партгор Семён Дашко чувствует себя виноватым в том, что их сейчас нет. А вокруг буря ликующих восклицаний и аплодисментов, восторга и восторга. Глаза Ярославлы сияют, как звёзды, струясь лучами искренного чувства... И кажется Семёну Дашко, что вот так каждый и звонко должен начинаться в Ярославках каждый день — юный, солнечный, ладный...

Ярославла, взволнованная и радостная, искривляла взглядом, восторгом потоке своих озвученных лиц Павла.

Город Львов

С украинского перевёл Вислав РАДЫШ

СПОРТСМЕНЫ ОДНОГО ЗАВОДА

Фото В. Семьянова

Физкультура и спорт в нашей стране стали популярно массовыми. Публицистический фотосюжет рассказывает о физкультурном коллективе одного из крупнейших машиностроительных заводов. Здесь мастеров.

Каждая из 18 спортивных секций имеет различные квалификации тренеров. А всего здесь 130 тренеров.

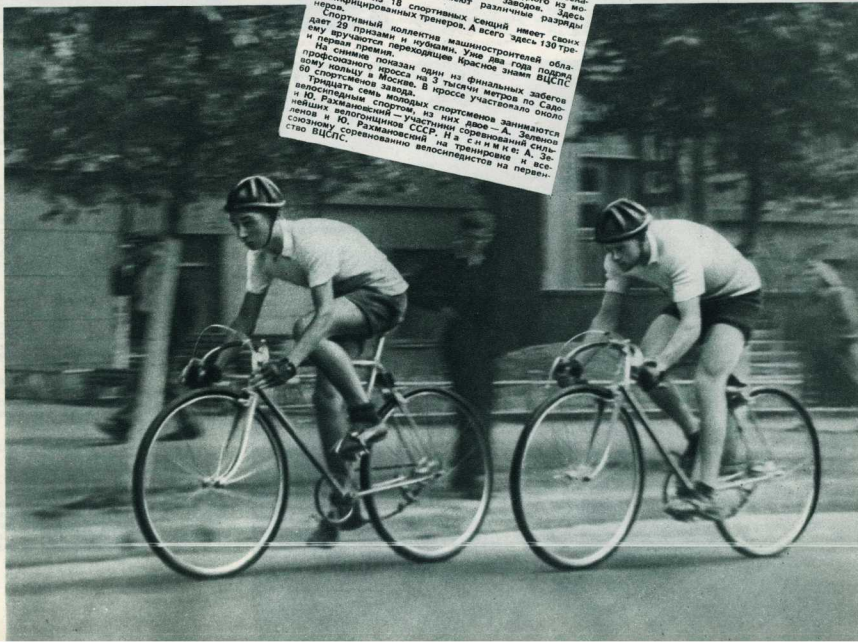
Спортивный коллектив машиностроителей областного завода 29 вручается переходящие Красное знамя ВЦСПС и первая премия.

На снимке показан один из финальных забегов профессионального кросса на 3 тысячи метров по Садовому кольцу в Москве. В кроссе участвовали оноло 80 спортсменов в Москве.

Тридцать семь молодых спортсменов занимают в высших эшелонах СССР. Из них двое — А. Зеленов и Ю. Рахмановский — участники соревнованиях союзного уровня в Москве. В кроссе участвовали оноло 80 спортсменов в Москве.

Тридцать семь молодых спортсменов занимают в высших эшелонах СССР. Из них двое — А. Зеленов и Ю. Рахмановский — участники соревнованиях союзного уровня в Москве. В кроссе участвовали оноло 80 спортсменов в Москве.

Тридцать семь молодых спортсменов занимают в высших эшелонах СССР. Из них двое — А. Зеленов и Ю. Рахмановский — участники соревнованиях союзного уровня в Москве. В кроссе участвовали оноло 80 спортсменов в Москве.

Восемь заводских футбольных команд участвовали в играх на первенство Москвы. На снимке: одна из команд борется за первенство с командой другого завода. Бьет по мячу электромонтер Борис Харламов.

Секция гимнастов особенно популярна среди девушек. На снимке: гимнасты упражняются на разновысотных брусьях. Один из молодых номеров выполняет Галина Андреева.

В секции борцов занимаются 35 молодых рабочих. На снимке: момент массовой борьбы. Тренер мастер спорта М. Зинченко и тренер-общественник слесарь-лекальщик Павел Садомский наблюдают за борьбой.

ДЕВУШКА ИЩЕТ РАБОТУ...

На днях я получила письмо из Франции от девушки, с которой я переписываюсь. В письме была вложена небольшая записная книжечка.

— Прочтите эту тетрадку — пишет моя корреспондентка, — это записки обыкновенной французской девушки, пришедшей в первые ряды борцов за мир, за будущее Франции, за лучшее будущее молодежи.

Сейчас Ирен и Жак борются за то, чтобы наша молодежь была так же, как и она, полноправным хозяином своей судьбы, чтобы страшная неуверенность в завтрашнем дне перестала унетать душу и разум... Я прочла и передала эту тетрадку. Прочтите её и вы.

И. ЗИЗНЕР

...Я ишу работу. Но сегодня, как и вчера, работы нет.

Опять ничего.

Хозяйка вежливо напомнила о плате за комнату... Возвратилась поздно, усталая, разбитая, без надежды и желаний. Сон плася безалаберным фильмом, смонтированным из тысячи «сладобных» кадров. Утром страшно хотелось есть. Из кухни мадам в комнату запахло запах кофе.

— Мадемуазель Ирен, вы, очевидно, завтракаете в кафе?

— Да, мадам, это удобнее...

...Удобнее... Ведь она не должна знать, что я без работы. У витрины Више кто-то взял меня за руку. Жак. Он оставил университет и мост посуду в кафе «Вол герос». Он засеялся: «Вол герос» — хороший отдых перед обширной юридической практикой. Бедный Жак, он хотел бы юристом.

Мы поехали в Елизейским полям. Париж готовится к рождественским праздникам. Рекламы кричали о полуночной массе в соборе Парижской богоматери. К соборной парижской подъезжали дамы с пудлами, забавляю укатанными в бархатные попоны.

— Жак, как ты проведешь рождество?

— О, чудесно! Буду мыть посуду на рождественском ужине американских туристов...

Знаешь, Жак, когда два года назад я получила аттестат зрелости, мне казалось, что самое трудное позади. Я, как и ты, мечтала о будущем, но увидела, что для меня нет места в жизни, даже самого маленького. Что же дальше, Жак?

— Дальше?... Мы должны отстоять себе место в жизни, Ирен.

Сегодня то же: работы нет. Вперед! Пустота голодных дней. На одном из бульваров бродит музыкант, дрожа от холода, распевая новую американскую песенку: «Радуйтесь, танцуйте бутге-вуг!».

Чему же радоваться таким, как они, как я?

Воскресенье. Утром кто-то постучал. Чтоб избежать разговора с хозяйкой, приворвалась, что спала.

— Мадемуазель Ирен, очевидно, спит...

— О, её нужно разбудить: я уезжаю и хочу проститься.

Стук настойчивее.

— Ирен, проснись, это я, Люсьен...

Открываю. Межа и духи. Люсьен?

— Ирен, я встретила Жака, узнала, что ты без работы, хочу устроить тебя на своё место. Генри не хочет, чтобы я работала... Это мой друг... Понимаешь? Ах, Ирен, мне надеян нишета, голод... Это выход. Многие теперь приходят к этому...

— Нет.

На самых оживленных улицах Парижа можно часто видеть девушек, которые с надеждою ищут маленького объявления в надежде получить работу.

— Что нет? Ты тоже молода и интересна. Только... не надо быть такой серёзной, это не нравится... Завтра мы заедем за тобой, а сейчас мой американец ждёт меня.

Ушла.

— Люсьен? То, что сделала она, так же обычно теперь, как световые рекламы.

— Мадемуазель Ирен, это ваша подруга? Представьте девушку. Зайдите выпить чашечку кофе.

Обложка «красивой жизни» Люсьен подняла мой авторитет в глазах мадам.

Сегодня кофе, завтра работа. Жак, милый, кажется, мне повезло.

Работаю в отделе дамского белья. Пустешества по ассенкам вверх и вниз, таскание коробок, уговаривание покупателями, восхваление товара, улыбка. О, обязательно улыбка! Это профессиональная обязанность. Хозяин требует её безоговорочно.

Заветная юбка, белая блузка (за которые вычиту из первого же жалованья), двенадцатичасовая улыбка с двадцатиминутным перерывом на обед.

Вечером возвращалась домой с соседкой по отделу Мари. Хотелось смеяться, петь. Я ведь имею работу!

Бедный Жак. Его выгнали из «Вол герос». Прошай, «тихий отдых» Колеасо вертится. Жак вышел в тираж. В этом длинном, худом, либрином юноше, в глазах с болязною чужого сострадания и не вышедшего веселья — жизнерадостного юмориста, остроумного, занимательного рассказчика

Жака-студента. Он прочёл мне письмо от сестры:

«...Роберт опять без работы. Вещи выброшены на улицу за неуплату. Временно разместили у приятеля Роберта — врача.

Жак, когда это всё кончится? Когда мы начнём жить? Опять разговоры о войне. Когда будет этому конец? Довольно крови и слёз. Жак, неужели я в будущем войну, о которой сейчас говорят и которой я не хочу всеми силами души, должна буду отдать, кроме Роберта, ещё и тебя? О, это чудовище! Я не хочу! Я знаю: мой желание — это очень мало, но таких, как я, очень много, таких, кто не хочет войны, а хочет мира, жизни, хочет счастья своим детям и близким. Неужели мы ничего не сможем сделать, чтобы отстоять мир? Я не знаю, что я должна делать, но такие, как ты, Жак, должны бороться за мир, за лучшую жизнь — так дальше жить нельзя!»

Вчера, зачем-то подошла к прилавку Мари, я улыбалась, как она, красивыми движениями показывая бельё двум французкам, говорила: «Не покупайте эту американскую ариан. Идите к Фуке, у него ещё настоящее французское бельё».

Женщины, поблагодарив, ушли.

Вечером, когда мы возвращались домой, я спросила Мари объясняют её поступок.

— Мы продаём американское бельё под французской маркой. Хозяин продал свою марку американцам, закрыл фабрику. А я не хочу, чтоб французы покупали американскую ариан. — Она улыбнулась. — Каждая борется с Америкой, как умеет.

Молодые работницы одной из фабрик в предместьях Парижа голосуют за проведение забастовки. Фото из журнала «Девушки Франции».

ИЗ ИРАНСКОЙ ТЕТРАДИ

Молодой иранский поэт Ярослав Шпорта дважды довелось побывать в семизвездной американской гостинице — в Иране. Не досужий туристом, разумеется, оставаясь в крайней любви, прибыл Шпорта в Иран в качестве гостя и уважаемой личности. Советский поэт за рубежом чувствует себя предельно комфортно. И это приводит его произведения к силе и зрелости. Публикуемые «Самой» два стихотворения входят в подготовляемую к печати книгу поэмы.

ШАХ

Едет шах по своей столице
Не в разубранной колеснице,
А в дарованном лимузине
На заморской чужой резине;

Не в нарядном цветном халате —
В заграничной лидиачной паре,
Чтобы леди банкирских статей
На приёмах аллилуйя в угаре.

Шах за морем теперь в фаворе,
Мистер Грумэн — его советчик;
Шах не знает отныне горы:
Мучить подданных вместе легче.

Кличет в гости из Вашингтона,
В самолёте привозит шаха:
Оценк, мол, пац картонный,
Ширь торгашеского размаха!

Ну, в шах! Предушав меня,
Чит он силу традиций старца:

Вашингтонскому джентльмену
Он откинул отвяз в подарок.

Он, продавший народ в неволю,
Небфь родному, садок цветные
Чужеземцам отдал без воли,
Словно воронам, на глумление.

ВИТРИНЫ В ТЕГЕРАНЕ

Чего не смышь на витринах
Здесь, в тегеранских магазинах!
Подтяжки, запонки, браслеты,
Перчатки и воротнички,
Чизагские старье штилеты,
Ньюйоркцев завадные носки,

Резина-изачка, револьверы,
Шелка, платочки, пастила —
По плану Маршалла: без мерз
Сюда прислали базарла.

Купец взывает: «Покупайте!»
Кричит: «Входите, господни!»
Но небо меркнет на закате,
И пыль на зеркале витрин.

Рабочие проходят мимо,
Огни витрин ни им ни чему!
И ярость их неумолимо
Подходит к горлу самому:

— Один обиски Уоля-стрит!
— Хлам навезли из-за моря!
— Для янки к нам пути открыты!
— Считают нас за дикарей..!

Убрыз бы тот товар находкин,
Да сичек на свалке псоворей,
А здесь устроят за решётки
Заморских тёмных дикарей!

С иранского перевода
Марк ШЕХТЕР

Заведующий отделением мужского платья Роберт Мумблбф, по выражению Мари, «обхаживает» меня. Пока от всех приглашений отдалываюсь улыбками и смскалой на зивность.

Сегодня магазин «очасталивва» своим приходом сын хозяина. Даго торгала в нашем отделении. Потом с завелующей отделением, пышной, крашеной мадам Дюмон, подошёл к моему отелу.

Через десять минут вызвали и директору. Мадам Дюмон поправила мой галстук и напудрила нос. У директора сидел сын хозяина. Меня перевели в ателье мол.

Дефиларование в ярко освещённом ателье перед капризными жёнами и льбвонницами американских завселеватей и французских прелатей.

Где-то теперь Алевсин, игрушка одного из них?
А Жак? «Голодное отчаяние бессильно, Ирен, лужина борьба».
Ты борешься, Жак?
Вес, день на разные мотивы вертится в голове: «Живые борются, а живы только те, чьё сердце преданно возвышенной мечте..»

— Мадемузель, завтра вечером вы будете демонстрировать модель 498 в Гранд опера.

— Да, но...

— Но? Многие без всяких «но» с радостью займут ваше место. Ложа 7. Автомобиль, маникюр за счёт фирмы. Сверхурочные не полагаются.

Кивок. Штрих в записной книжке.
«Многие с радостью займут ваше место». Конечно. Фирма прекрасно это знает и учитывает.

Серый, палевный день. Небо нависло, точно свинец. Под таким небом можно сойти с ума. В ателье, как всегда, свет, блеск, мишура. Сегодня продали девятнадцать моих моделей по несколько сотен тысяч франков. Директор довольно потерял руки.

— Мадемузель, вы съедаете себе карьеру. Вы обладаете вкусом, вы художница. Уметь носить пальто — это искусство. Улыбается. Улыбка обязательна. Таков закон фирмы. Искусство... Что он понимает в искусстве? Сердце съелась.

Вечером «ответственную модель» бережно ведут в театр. Там учтиво встречают и провозжат в лужу номер 7.

Колот бинокли, лорнеты. Но все движение по инструкции. Наконец сажусь лицом к спине.

— Мадемузель, проект к телефону.

— Модель куплена — возвращайте немедленно. Быстро.

Всё то же каждый день. Нет даже времени почитать. Фирме нужна прибыль.

Тогда платят, что тебе нужно ещё? Фирме не нужен твой ум — нужен смазанный инстинкт. Приспособляйся, не то... «Многие с радостью займут ваше место».

Демонстрация моделей в общественных местах приняла постоянный характер. Вечером сегодня опять высказать, но уже с моделями купальных костюмов.

Вот и начало конца. Впереди опять пустота годовых дней. Всё произошло так просто.

Привезли, как вещь. «Передельтись» Подчиняюсь. Выхожу и вижу сына хозяина на фирме. Так вот для чего демонстрация купальных костюмов!

Быстро вошла обратно. Оделась. Начала кофач.

Круг замкнулся. Душит. Это уже конец. Полияция, обсык. Я «украшаю» модела! Как ворую повезли в полиция. Объяснила, что модела у заказчика, что не успела сообщить об этом фирме. Звонит по указанному адресу. Переговоры. Передают трубку. У телефона сын хозяина.

— Мадемузель Ирен? Видите ли. Ваш отвяз... Одним словом... Подумайте, через два дня я заеду за ответом...

Хозяйка отказала от квартиры. Её шокировали полиция и обсык. Это сегодня. Завтра откажут от работы.

Жак, где ты? «Нужна борьба, Ирен..»

Работы нигде нет. Жить не на что.

Жак, где ты? Жак!

А Мари? Она как-то сказала: «Одиночество страшно. Оно делает человека беспомощным, слабым».

Сена. Такая равнодушная, холодная. А день яркий, ласкающий. На мосту многолюдно. Стараясь достать глазами дно. Жизнь и смерть — вечные антитезы.

«Что случилось?»

Поток прохладных устремился к одному месту в середине реки.

— Кто-то прыгнула вниз.

— Сегодня это второй.

— Вот шалва и записна.

— Читайте: «Возработаный два года. Будет прокатана Америка с её «планом Маршалла»».

В висках стучит, начинается мелкая дрожь. Выбравшись из толпы. Тошнит. Всё падает. Мрак.

Откуда-то издавала слышу: «Терпеть — значит мириться с судьбой этого угнетённого, считать естественной его гибель..» Мы ничего не имеем, есть борьба, а для борьбы нам необходимо единство..»

Голова знакомый. Жак?

Открыл глаза, отдался. Незнакомая комната, лежу на диване, голоса за стеной. Хотела встать, голова закружилась. Села, прислонилась к стене. Чья-то рука легла на лоб.

Открыл глаза.

— Жак?

— Ирен, что с тобой?

— Ничего особенного. Самое обыкновенное. Голова закружилась от голода.

— Ты бей работу? А я думаю..

— Два месяца уже. Видишь ак.. сын хозяина.. ну и уловил.. А я стараясь улыбаюсь: — Всё так просто, Жак..

Он взял мою руку, поцеловал ладони и улыбнулся к ним своей ладно. Потом даго смотрел на меня, и я многое прочла в его взгляде.

— Ирен!

— Да!

— Ты борешься не легко, Ирен.

— Я знаю, и я пойду с тобой..

КНИГА ОБ ЭРИС ТЕЛЬМАМ

Эту правдивую книгу написал известный антивоенный, коммунистический писатель Верадья. Книга представляет собой интереснейший советский труд, особенно для нашей молодежи, которая выросла в семье борющейся коммунистической молодежи. Эрис Тельман, погибший от рук гитлеровских палачей. Это габсбургское австрийское партийное работница Ина Тельман. Эрис с детства увлекался искусством революции. Он рос в рабочей семье. В юные лет участвовал в работе просветительских кружков и вскоре сплотил вокруг себя группу единомышленников. За несколько лет до первой империалистической войны молодой Тельман был избран в правление профсоюза транспортных рабочих. Уже в это время он снискал себе репутацию смелого и энергичного, пронастроенного противоработодателя, борющегося за свободу и мир. Неудачливо по этому, что тогда юного Тельмана работ в «черной списков» рабочих, два года он находился в лагере, профессионально и политически оттаивая, выступить в его защиту.

Тельману было 26 лет, когда разразилась первая мировая война. С интересом прочитав в газете страшные сообщения о разрушениях, отношении Тельмана и войне. Всегда прямой коммунист, Эрис Тельман воспринял предельно-только социал-демократический народный фронт. Давно ли они поднимались в Бавенно, родном родом коммюне социальное манифест против войны. В 4 августа 1914 года почти в полдень составили манифест на холостую весть германского императора!

Тельман не считал себя единственным, кто делал многие другие шаги. Он считал себя частью волонтерской борьбы. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Шаг за шагом познавая новые этапы революционной борьбы, Эрис Тельман не прерывает своей деятельности. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Взгляд на историю заснула Эрис Тельман в Карла Дибенно, последовательное исследование истории германского рабочего движения. Эрис Тельман не прерывает своей деятельности. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Видли Вреде в эссе, Эрис Тельман. Глава 1. Журнал «Октябрь» № 4. Журнал «Звезда» № 3.

Целью своей книги поставил Тельман создание боевой коммунистической партии Германии и не шадил сил, чтобы в интересах революционной теории — трудными Ленна и Сталина.

В это время в борьбе германских коммунистов с троцкистскими и прочим оппортунистическими течениями Тельман был избран в правление профсоюза транспортных рабочих. Уже в это время он снискал себе репутацию смелого и энергичного, пронастроенного противоработодателя, борющегося за свободу и мир.

Неудачливо по этому, что тогда юного Тельмана работ в «черной списков» рабочих, два года он находился в лагере, профессионально и политически оттаивая, выступить в его защиту.

Тельману было 26 лет, когда разразилась первая мировая война. С интересом прочитав в газете страшные сообщения о разрушениях, отношении Тельмана и войне.

Всегда прямой коммунист, Эрис Тельман воспринял предельно-только социал-демократический народный фронт. Давно ли они поднимались в Бавенно, родном родом коммюне социальное манифест против войны.

В 4 августа 1914 года почти в полдень составили манифест на холостую весть германского императора!

Тельман не считал себя единственным, кто делал многие другие шаги. Он считал себя частью волонтерской борьбы. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности.

Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Шаг за шагом познавая новые этапы революционной борьбы, Эрис Тельман не прерывает своей деятельности. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Взгляд на историю заснула Эрис Тельман в Карла Дибенно, последовательное исследование истории германского рабочего движения. Эрис Тельман не прерывает своей деятельности. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Целью своей книги поставил Тельман создание боевой коммунистической партии Германии и не шадил сил, чтобы в интересах революционной теории — трудными Ленна и Сталина.

В это время в борьбе германских коммунистов с троцкистскими и прочим оппортунистическими течениями Тельман был избран в правление профсоюза транспортных рабочих. Уже в это время он снискал себе репутацию смелого и энергичного, пронастроенного противоработодателя, борющегося за свободу и мир.

Неудачливо по этому, что тогда юного Тельмана работ в «черной списков» рабочих, два года он находился в лагере, профессионально и политически оттаивая, выступить в его защиту.

Тельману было 26 лет, когда разразилась первая мировая война. С интересом прочитав в газете страшные сообщения о разрушениях, отношении Тельмана и войне.

Всегда прямой коммунист, Эрис Тельман воспринял предельно-только социал-демократический народный фронт. Давно ли они поднимались в Бавенно, родном родом коммюне социальное манифест против войны.

В 4 августа 1914 года почти в полдень составили манифест на холостую весть германского императора!

Тельман не считал себя единственным, кто делал многие другие шаги. Он считал себя частью волонтерской борьбы. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности.

Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Взгляд на историю заснула Эрис Тельман в Карла Дибенно, последовательное исследование истории германского рабочего движения. Эрис Тельман не прерывает своей деятельности. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Целью своей книги поставил Тельман создание боевой коммунистической партии Германии и не шадил сил, чтобы в интересах революционной теории — трудными Ленна и Сталина.

В это время в борьбе германских коммунистов с троцкистскими и прочим оппортунистическими течениями Тельман был избран в правление профсоюза транспортных рабочих. Уже в это время он снискал себе репутацию смелого и энергичного, пронастроенного противоработодателя, борющегося за свободу и мир.

Неудачливо по этому, что тогда юного Тельмана работ в «черной списков» рабочих, два года он находился в лагере, профессионально и политически оттаивая, выступить в его защиту.

Тельману было 26 лет, когда разразилась первая мировая война. С интересом прочитав в газете страшные сообщения о разрушениях, отношении Тельмана и войне.

Всегда прямой коммунист, Эрис Тельман воспринял предельно-только социал-демократический народный фронт. Давно ли они поднимались в Бавенно, родном родом коммюне социальное манифест против войны.

В 4 августа 1914 года почти в полдень составили манифест на холостую весть германского императора!

Тельман не считал себя единственным, кто делал многие другие шаги. Он считал себя частью волонтерской борьбы. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности.

Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Взгляд на историю заснула Эрис Тельман в Карла Дибенно, последовательное исследование истории германского рабочего движения. Эрис Тельман не прерывает своей деятельности. Он смело выступил против оппортунистической «неудачи». Мобилизованный на фронт, Эрис Тельман не прекращает своей революционной деятельности. Новые события и условия требуют от него все большее участие в работе.

Театр имени Федорова в Ярославле. Фото И. Димина (ТАСС)

АКТЕР ФЕДОР ВОЛКОВ

Создателем русского народного театра основоположником русской реалистической школы единичного искусства является талантливый сын русского народа Федор Григорьевич Волков.

Будучи ребенком, Федор Волков научился играть на скрипке и арфе. Но отчим старался приобрести Федора «на торговый мир». Часто с товарищами приходилось ему уезжать в Ярославль в Петербург.

Начав будучи в Петербурге, Федор Волков попал в домашний театр при кадетском корпусе, где наделял разглагольствованиями, сочиненными офицером Александром Пушкиным, комическим характером. С тех пор он и Волков зародился мыслью устроиться театр у себя в Ярославле.

Но для театра прежде всего нужны артисты. Федор Волков, вернувшись в Ярославль, занимается подбором артистов. Он готовит драматическое искусство.

Однако этого было решено в день именин отчима. Под тек был приспосабливаем артист, сменявший складом юмор. Много было попомнен труд на устройстве сцены, декораций и освещении. Но вот наконец все приготовления сделаны, настал радостный час постановки спектакля.

На представление были приглашены отчим и его гости: ярославский воевода Минутин, артисты Мавров (отец поэта В. Маяковского и другие знавшие свое. Все было поразительно прекрасным зрелищем. Это первый спектакль, поставленный в 1876 году. Затем спектакли поочередно шли широчайшей публике.

После смерти отчима Федор Волков приступил к строительству театра на тысячу мест. В нем он сам был декоратором, архитектором, автором, режиссером.

Ориентир в театре состоял из артистов: Федор Волков, архиепископ Ярославский, артисты Мавров, режиссеры С. Васильев, Мудинский, Н. Медведевскому присвоено звание «артист-режиссер».

Преимуществом высоко оценено талантливо артистическое искусство театра имени Федора Волкова. Ярославскому артисту РСФСР Ф. Волкову, заслуженному артисту РСФСР А. Чудинову, С. Рельскому, А. Мозаеву, режиссеру П. Васильеву, Мудинскому, Н. Медведевскому присвоено звание «артист-режиссер».

Основа театрального искусства театра им. Федора Волкова — это неграждане ордене Трудового Красного Знамени группа работников театра заслуженных орден и медалей.

Г. ДРОЗДОВ

Тот Слет

Жил-был министр неистов,
Имел портфель министров.

Баю-дай

Дали...

Аи!

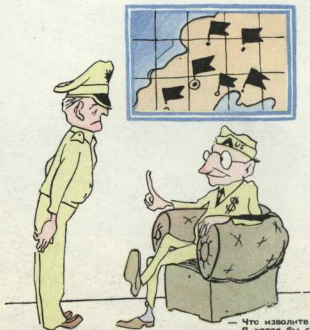
Бывали случаи такого рода.
Увы! В «семье» не без привода.

Что Форрестор! Ещё не раз
Они лицом ударят в грязь.

Господи, спаси!
Удержаться б на оси!

— Что изволите повесть?
— Я хотел бы съездить Танест!

К НОВЫМ ПОБЕДАМ, СПОРТСМЕНЫ!

Слова В. ХАРИТОНОВА

Музына Л. БАКАЛОВА

В советском Отечестве живём мы
 А годы у нас молодые, счастливые,
 Мы право имеем на труд и на отдых,
 И лучший наш отдых — в спортивных походах!

Припева:

Знамена взлетают над нами легко —
 Спортивную честь пронесём высоко,
 Вся молодёжь наша в ногу идёт —
 И новыми победами, спортсмены, спорте,
 Спортсмены, вперёд!

Туда, где натянута ленточка белая,
 Летим мы и победы, летим,
 Студент и колхозник, загорелые,
 И воин, — кто спортом владеет, тот славы достоин.

Припева:

Мы — люди умелые, дружной
 В горячей спортивной борьбе сплочённые,
 Выходим на финиш сполна, и гордо,
 И нам по плечу мировые рекорды!

Припева:

Фотоиллюстр. В. Гребнева

118